

I

Мы получили это дело стылým январским утром, когда кажется, что солнце ни за что уже не выползет из-за горизонта. Мы с напарником заканчивали ночную смену — из тех, от которых, как я надеялась, навсегда избавлюсь, перейдя в отдел убийств, — неизбывно тоскливую, предельно бессмысленную, сплошь сводившуюся к писанине. Два подонка решили завершить свой субботний вечер танцами, используя голову третьего подонка в качестве танцпола. Причины этого решения они не могли объяснить никому, даже себе. Мы отыскали шесть свидетелей. Каждый из них был пьян в сосиску, каждый рассказывал историю, сильно отличающуюся от остальных пяти, и каждый считал, что нам необходимо выкинуть из головы это никому не интересное убийство и срочно заняться расследованием по-настоящему серьезных правонарушений. Например, почему его выкинули из паба, какого хрена ему впарили некачественную травку или с чего это подружка решила его бросить. Когда свидетель номер шесть велел мне выяснить, почему его куколка “походу, свалила”, я уже почти ответила: потому что такого кретина и гуманоидом-то не назовешь — и собралась выгнать этих шестерых говнюков на мороз, но, по счастью, у моего напарника куда больше терпения, чем у меня. Это, помимо прочего, и объясняет, почему мы работаем вместе. В конце концов нам удалось вытянуть из четырех придурков показания, которые соответствовали бы не только друг другу, но еще и уликам с места преступления. Теперь одного из подонков ждало обвинение в убийстве, а другого — в нанесении тяжких телесных повреждений. А это значит, что в каком-то смысле добро снова восторжествовало. Правда, в каком именно смысле, я понятия не имею.

Мы завели на подонков уголовное дело и уселись печатать протоколы допросов и свидетельских показаний, чтобы к утру они лежали на столе у шефа. Стив сидел напротив и что-то насвистывал. Обычно, когда я слышу такое, меня так и подмывает учинить свистуну телесные повреждения средней тяжести, но Стив насвистывает что-то очень верное — старое, полузабытое, из детства. И чуть отстраненно, приглушенно. Свист прерывается, когда у него что-то не ладится с протоколом, и возобновляется, с трелями и переливами, когда писанина возвращается в правильную колею.

Стив, жужжание компьютеров и зимний ветер за окнами. Пустота и тишина. Отдел убийств расположен в Дублинском замке¹. Прямо в центре города, но чуть в стороне от туристических маршрутов и модных местечек. В нашем здании стены очень толстые. Даже шум утренней движухи с Дам-стрит доносится только мягким, неясным гулом. Стопки отпечатанных протоколов на столах вперемешку с фотографиями и накорябанными записками выглядят так, будто это полностью заряженные гаджеты, которые в любой момент могут быть приведены в действие. За окнами темнота постепенно сменяется предрассветной мглой. В комнате пахнет кофе и горячими батареями. В такие минуты, когда ночная смена катится к концу, мне здесь даже нравится.

Мы со Стивом знаем все формальные причины, по которым нас суят в ночные смены. Мы одиночки — жены, дети и мужья не ждут нас дома. Мы самые молодые в отделе. Мы можем переносить утомление лучше старперов, которым вот-вот на пенсию. Мы в отделе считаемся зелеными новичками. Даже я. Служишь всего два года? Ну и жри полной ложкой. Вот мы и жрем. Это тебе не полицейский участок. Там, если твой начальник козел, ты всегда можешь подать рапорт на перевод. Другого отдела убийств не существует. Он единственный. Если ты хочешь здесь служить, так получай все, что к тебе прилетает. Мы оба хотим.

Некоторые работают в Убийствах еще с тех пор, когда я даже не подозревала о существовании отдела; они проводят свои дни в опасных, как лезвие ножа, интеллектуальных сражениях с гениями-психопатами, точно зная, что лишь шаг отделяет победу

¹ Прежде королевская резиденция, сейчас же там размещается правительство Ирландии.

от еще одного неопознанного трупа. Но мы со Стивом можем только смотреть на этих психопатов, когда их ведут мимо комнаты для дознаний, где мы в очередной раз пытаемся расколоть какого-нибудь Супруга года из нескончаемой череды домашних насильников, которых с готовностью подсовывает нам шеф — просто чтобы довести меня до белого каления. Мудаки, устроившие танцы на голове, — скорее, приятное исключение.

Стив нажал “печатать” и под шуршание принтера спросил:

— Ты закончила?

— Почти.

Я пробежала глазами рапорт, выискивая опечатки. Очень не хочется получить взбучку от шефа из-за пустяка.

Стив заложил руки за голову и потянулся так, что стул под ним жалобно закричал.

— Ну что, по пинте? Ранние заведения уже наверняка открылись.

— Ты что, издеваешься?

— Ну надо же отпраздновать.

Настроение у Стива, похоже, было получше, чем у меня. Подавив ему взгляд, который должен был изменить эту нездоровую ситуацию, я процедила:

— Отпраздновать что?

Он ухмыльнулся. Стиву тридцать три. Он на год старше меня, но выглядит значительно моложе. Эдакий симпатяга из колледжа. Худой, долговязый, рыжие волосы торчат во все стороны. И неумолимая жизнерадостность.

— Мы взяли их. Ты не заметила?

— Даже твоя бабушка справилась бы запросто.

— Возможно. И пошла бы выпить пинту потом.

— Она что, закладывала за воротник?

— Вообще из запоя не выходила. Я всего лишь пытаюсь соответствовать семейным стандартам.

Он вытащил листы из принтера и начал сортировать.

— Да ладно тебе. Пойдем.

— В другой раз.

Праздновать мне не хотелось. Хотелось пойти домой, переодеться, выйти на пробежку, сунуть что-нибудь в микроволновку, немного поразжигать мозги теликом, а потом завалиться спать. И тогда я буду готова к следующему раунду.

Дверь распахнулась, как от пинка, и в комнату заглянул наш суперинтендант О'Келли. По утрам он всегда так делает — чтобы убедиться, что никто не спит на посту. Обычно он приходит весь такой гладкий и розовый, после душа и хорошего завтрака. Зачес на лысине — залюбуешься. Я, конечно, не могу утверждать наверняка, но, по-моему, он это делает нарочно, чтобы подразнить бедняг, пропахших ночной сменой и несвежими пончиками из ближайшего магазина. А может, просто характер такой. Этим утром, однако, он выглядел слегка потрепанным. Мешки под глазами. На рубашке чайное пятно. Его вид хотя бы отчасти компенсировал мне еще одну ночь, проведенную в этой комнате.

— Моран, Конвей, — сказал он, подозрительно оглядывая нас, — есть что-нибудь интересное?

— Уличная драка, — ответила я. — Один пострадавший.

Все так ненавидят ночные смены не только из-за их разрушительного воздействия на личную жизнь, но еще и потому, что по ночам не происходит ничего интересного. Хитроумные убийства с запутанными историями и головокружительными мотивами могут, конечно, случиться и ночью, но известно о них станет только утром. Единственные убийства, которые происходят по ночам и о которых ночью же становится известно, совершаются пьяными мудаками, а единственный мотив пьяных мудаков сводится к тому, что они пьяные мудаки.

— Рапорт будет у вас на столе.

— Ну хорошо, что хоть чем-то занимались. Вы со всем там разобрались?

— Более-менее. Сегодня вечером подчистим все концы.

— Ладно, — сказал О'Келли. — Тогда можете заняться вот этим.

И он протянул нам листок с сообщением о вызове.

На минутку я, ну не дурочка ли, воспарила. Если вызов лег прямо шефу на стол, а не как обычно, через дежурного, попал к нам в комнату, значит, дело серьезное. Значит, речь о чем-то очень важном, или сложном, или деликатном, чего не поручишь просто следующему по списку. Здесь нужны подходящие люди. По одному хмыканью, раздавшемуся из комнаты шефа, парни выпрямляются за своими столами и начинают делать пометки в блокнотах. Один его знак, и мы со Стивом — наконец-то! — соскочим со скамейки вечных запасных и выйдем на поле, в большую игру.

Я сжала руку в кулак, преодолевая желание выхватить у него листок.

— Что это?

О'Келли фыркнул:

— Можешь притушить этот голодный блеск в глазах, Конвей. Я просто подхватил это по пути, чтобы Бернадетте не пришлось мотаться туда-сюда. Патрульные на месте преступления говорят, что выглядит это как бытовое насилие. Без вопросов. — Он бросил бумажку мне на стол. — Я ответил, что мы, конечно, очень благодарны за помощь следствию, но это вы им сообщите, что и как выглядит. Никогда ведь не угадаешь наперед. А вдруг вам повезет и это серийный убийца.

Просто подхватил по пути — да, как же. О'Келли принес этот листок, чтобы насладиться выражением моего лица. Я не шелохнулась.

— Сейчас придет дневная смена.

— А вы уже здесь. Если у тебя намечается бурное свидание, я бы советовал побыстрее все распутать.

— Но мы работаем над отчетами.

— Иисусе, Конвей! Мне не нужны рассказы Джеймса долбаного Джойса. Давай сюда, что там уже понаписала. И поторопись. Ехать-то в Стонибаттер¹, а эти козлы снова все перекопали рядом с пирсами.

Секунду спустя я нажала кнопку “печать”. Стив, этот жополиз, уже обматывал шею шарфом.

Шеф покосился на график дежурств на доске.

— Нужно, чтобы в этом деле вас кто-то подстраховывал.

Я просто почувствовала, как Стив телепатирует мне: *Сохраняй спокойствие*.

— С бытовым преступлением мы и сами справимся. Занимаемся ими с утра до ночи.

— И кто-нибудь поопытнее научит вас заниматься ими с толком. Сколько времени вы распутывали ту историю с молодой румынкой? Пять недель? И это с двумя свидетелями, которые видели, как ее парень всадил в нее нож. А пока вы копались, пресса и эти, что за права человека, кричали про расизм и, мол, если бы речь шла об ирландской девушке, мы бы уже давно всех арестовали.

¹ Район в Дублине.